

Динамика самоопределения граждан: Кто Я и кто Мы?

Признаки преодоления травмы идентичности

Владимир Ядов

профессор, доктор философских наук

Проблема. Стало трюизмом рассуждать о переживаемых трудностях. Петр Штомпка нашел удачную метафору для своей теории периода радикальных трансформаций – тяжелая травма.¹ Если использовать этот медицинский термин, хочется спросить: доктор, а как быстро я встану на ноги? Однако, как мы знаем, не существует справочника социальных болезней, из которого можно скопировать проверенные рецепты выздоровления общественного организма. Но что мы способны сделать, так это аккуратно отслеживать самочувствие «пациента».

Экономисты спорят относительно темпов экономического роста, но как бы то ни было никто не сомневается в прекращении спада. И люди в массе своей это, видимо, почувствовали. В социологии медицины надежно установлено, что принятие роли больного существенно помогает его выздоровлению. Медики могут подтвердить: пациенту для проверки эффективности лекарства дают плацебо, его имитацию, нечто совершенно нейтральное вроде сладкой пилюльки. Если тот верит в лечение, он идет на поправку. То же и в обществе. Если люди начинают ощущать, что жизнь как-то налаживается, значит они мало-помалу преодолевают кризисное состояние.

В течение 12 лет мы ведем мониторинг самоидентификаций и идентификаций граждан, их самоопределений «Кто Я?» и представлений кого люди полагают «своими», в отличие от «не своих» или чужих. Закрытый вопрос относительно социальной идентичности звучал так: «С какими людьми, группами, общностями вы чувствуете наибольшую близость? Кого Вы считаете своими, кто такие «Мы?» Самоидентификация («Кто Я?»), переживается более остро, она менее ситуативна. Социально-групповая («Кто Мы?») подвержена нормативному давлению среды, общественного мнения, воздействию масс-медиа.

В целом же утрата прежней идентичности (а она практически затронула решительно каждого) и необходимость обрести иную, или же восстановить прежнюю – глубочайшая личностная потребность. Неопределенность представления о себе самом и потеря ориентации в социальном пространстве переживается исключительно остро и вызывает тяжелый стресс. Вчера человек был уважаемым мастером, сегодня – вынужден заняться челночной торговлей, по советской терминологии стал «спекулянтом». Шахтер, бывший представителем «передового отряда рабочего класса» в наиболее привилегированной отрасли с массой льгот из-за тяжести и опасности труда, кто он нынче? – Одна из причин, объясняющая почему именно шахтеры проявили наибольшую сплоченность в протестном движении.

Признаки обретения идентичности в новых условиях несомненны. Особо заметный сдвиг произошел в период с 1998 по 2002 годы. На вопрос «Кто Я?» в 1998 г. (опрос проводился до августовского финансового кризиса) отвечали «Я – жертва реформ» 38 % из 1600 респондентов, сегодня – 27. **В начале реформ примерно 15-20 процентов из опрашиваемых активно адаптировались в изменяющемся мире, остальные приспособивались. Сегодня число "активных" достигло половины.**

В 1993 – 1994 годах 70 процентов из опрашиваемых нами относили себя к "людям без будущего". В 1998-м (до августовского кризиса) - 22. А сегодня - всего 14. Это радикальное изменение.

В 1998 г. бедными определяли себя 39%, сейчас на 14 % меньше. Правда, число считающих себя обеспеченными практически не изменилось.

Здесь мы имеем дело с так называемой позитивно-негативной асимметрией жизненного самоощущения. Отрицательные ответы более чувствительны, более надежны. Если доля обеспокоенных несколько сокращается, это хороший признак, несмотря на то, что численность оптимистов не увеличилась.

И еще. Фиксируется крайне важная тенденция в сторону интернальности личности – готовности отвечать за себя, не надеясь ни на власти, ни на других вообще. Это – показатель привыкания к рыночному, конкурентному обществу. В 1998г. половина россиян определяли себя теми, кто «принимает судьбу какова бы она ни была», сейчас таких меньше половины (46), а вот доля тех, кто не ждет манны небесной и сам делает свою судьбу от 60% в 1993 году поднялась до 75% в 2002 году. Люди начинают планировать свою жизнь.

Естественно, среднестатистические показатели скрывают немалые различия по группам и слоям населения равно, как и различия в жизненной стратегии адаптации к трудностям. Более успешно адаптируются молодые, имеющие работу, люди с высшим образованием, семейные (за счет психологической поддержки близких плюс уменьшению затрат в расчете на одного члена семьи). Активную стратегию – приобретение новой профессии или сферы занятости - выбирают и те, кто обладает личностными качествами интернальности, инициативности, кто более склонен к риску и проч. По разным данным около 20 - 25% граждан в последние полтора года следовали пассивной, приспособительной стратегии, т.е. приспособляются за счет ущемления жизненных потребностей, но общая динамика явно позитивна.

Кто мы, россияне?². Начиная с 1992г. постоянно растет этническое самосознание. Вместе с тем после распада СССР динамика ощущений гражданской принадлежности («Мы - россияне») претерпевала заметные колебания. В 1992г. определяли себя россиянами 73%, а в 1993г. - только 66%. После 1994 года наметилась устойчивая тенденция к росту. Сегодня уже 95% населения называют себя «россиянами». По данным Института комплексных социальных исследований РАН при иной постановке вопроса фиксируется та же картина, в процентных отношениях более скромная: в 2001г. около 2/3 населения определяли себя «российскими гражданами».

Вместе с тем мы наблюдаем и «фантомные боли» (человек ощущает боль в ампутированной конечности) : почти 44% опрашиваемых пребывают в состоянии своеобразной идентификационной раздвоенности, продолжая называть себя советскими людьми. Число тех, кто считает себя гражданином Великой державы сегодня около 30%. При другом варианте вопроса в 1998 году 46% говорили о себе «Я - гражданин страны, которая перестала быть Великой державой», сегодня таких на 11 процентов меньше.

Итак, мы наблюдаем две тенденции. Одна - усиление национального и гражданского самосознания, которое явно обостряется при отчетливом обозначении образа «врага» (бомбежки Югославии силами НАТО, террористы, диктат США). Солидаризации россиян в этом контексте, можно сказать, выполняют защитную функцию.

Другая тенденция - великодержавная идентичность. Специалисты в имперской проблематике находят (на примере Великобритании), что постимперское состояние претерпевает несколько стадий. Поначалу – неверие в случившееся и надежда на то, что

все со временем образуется. Дальше – идеализация прошлого, и завершающая – гордость имперской историей, которая становится частью гражданского самосознания нынешних поколений. Мы находимся где-то в промежутке между первой и второй стадиями постимперского мироощущения по причине совмещения в массовом сознании образов мощной вооруженной державы – империи, а вместе с тем образа величия страны, исторически, территориально и культурно обусловленного. Заметим, что понятия империи и Великой державы отнюдь не тождественны.

В последнем общероссийском обследовании (январь этого года) на вопрос «Если говорить о ситуации в России, то какие из перечисленных проблем тревожат Вас более всего?» в списке из 25 разного рода проблем обеспокоенность «падением авторитета страны в мире» выразили 4% опрошенных. Озабоченность повседневными жизненными проблемами – преступностью, наркоманией, терроризмом, низким уровнем жизни, безработицей и коррумпированностью чиновников (от 36 до 27%) – оттесняют на периферию беспокойства, вызванные утратой символов величия страны.

О том же говорят и другие свидетельства. В наших обследованиях 1992 и минувшего годов по настоянию польских коллег (мы проводили межстрановое сравнительное исследование) был вопрос «Считаете ли Вы себя приверженцем русской национальной идеи?» Польские социологи из своего далека были уверены, что немало россиян являются сторонниками национальной идеи (в чем она состоит – предмет бесконечной дискуссии). Мы выражали крайний скептицизм и предложили пари, каковое выиграло. Оказалось, что сторонников национальной идеи и тогда в 92г. и теперь устойчиво не более 16 процентов. В менее идеологизированной формулировке «приверженец русских (соответственно – польских) народных традиций и мы, и поляки в равной мере демонстрируем свой патриотизм: 83% среди россиян и 88% в польской выборке. Люди устали от идеологием? Похоже так. Однако нет оснований полагать, что гордость великороссов идет на убыль.

Немаловажны для россиян локальные и земляческие идентичности. Начиная с 1992г. они усиливаются. В 1992г. ощущали близость с теми, кто живет в нашем городе, поселке» 73% населения, а в 2002г. 96%. В коллективных идентификациях «Кто мы» локальные преобладают над гражданскими. Между прочим, Запад начинает осознавать, что слишком ушел от естественности «коммунитарного» мироощущения и его слишком затягивает глобализация. Не пора ли вернуться к нормальному межчеловеческому общению? – задает вопрос британский премьер Тони Блэйр. В предисловии к последней работе выдающегося теоретика социолога Энтони Гидденса о так называемом третьем пути он пишет, что каждый лейборист обязан проштудировать эту книгу. О чем? О том, что современные государственные институты не способны адекватно соответствовать интересам граждан. Ни либерализм, ни социализм нас не спасут. Выход – в усилении роли местного (community) самоуправления.

Наша Дума приняла соответствующий закон, но... как всегда, с российской спецификой: муниципальные средства будут распределять чиновники, эти деньги не передаются целенаправленно гражданским структурам по месту жительства, т.е. туда, где люди систематически общаются и знают друг друга в лицо.

Жизнь «нормализуется»? Продолжает падать политическая вовлеченность граждан. Идеино-политические склонности, как они представлены в образах «Я» и «Мы» слабо выражены. В 1992г. году тех, кто не интересовался политикой было 46% , сегодня этот процент достиг 79. Только 9% населения могут определить себя как сторонника определенного политика или партии. Скандальные выборы в Новгороде, Красноярском крае, треть голосующих против всех в Нижнем, ситуация в Питере – ну что ж, какова политика, таков и интерес к ней и ее действующим лицам.

Но это свидетельствует и об еще одном социальном факте. По советским меркам плохо, что граждане не интересуются политикой, а по ныне западным образцам – это более или менее нормально. Люди живут семьей, своей работой. Они входят в нормальный режим повседневности. Их мало волнует вакуум « великих идей»

Значит, общество находится на пороге вступления в стадию динамичных, но не драматических социальных изменений. И не дай нам Бог новых потрясений.

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17 (11 стр.).

² Название подзаголовка я заимствую у Е.Н.Даниловой – соавтору по проекту.